

18+

Андрей Фёдоров

× 口内牙長 七ツ七 山

Андрей Федоров

**Хомяк Кукиш. Истории
с продолжением**

«Издательские решения»

Федоров А.

Хомяк Кукиш. Истории с продолжением / А. Федоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672082-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
мире, где время и пространство теряют смысл, живет Кукиш — говорящий,
пьющий и мастерски сквернословящий хомяк, выращенный самураем из
тайнственной Ипони. Он оказывается в забытой всеми деревне Средне-
Верхнее Заанусье, где абсурд — норма, а юмор, порой на грани (или даже
за гранью) фола, — спасение от реальности. Если вы готовы к странностям,
смеху, который бросает вызов границам приличия, и шепотке философии,
добро пожаловать в мир, где хомяки говорят, а реальность — лишь
иллюзия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-672082-4

© Федоров А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
История 1. Эмигрант по неволе	9
История 2. Калиныч и Пустобздяй	11
История 3. Эпидемия	13
История 4. Интимные подробности	15
История 5. Зимняя депрессия	17
История 6. Сталактита	19
История 7. Мечь	21
История 8. Страшная история	23
История 9. Сабля	25
История 10. Заклятый враг	27
История 11. О дружбе, гигиене и предательстве	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хомяк Кукиш Истории с продолжением

Андрей Федоров

© Андрей Федоров, 2025

ISBN 978-5-0067-2082-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Привет, друзья! Если вы держите в руках эту книгу, значит, либо у вас отличный вкус и чувство юмора, либо вы просто случайно наткнулись на нее в поисках чего-то несерьезного. В любом случае, добро пожаловать в мой мир абсурда! «Сказки для взрослых или несерьезные истории для позитивного настроения» – это истории, которые я начал писать еще в конце 90-х, когда интернет был медленным, а юмор – быстрым и иногда слишком резким.

Главный герой – хомяк Кукиш. Это говорящий, пьющий и мастерски сквернословящий хомяк, выращенный самураем-алкоголиком из загадочной Ипони (Япония слишком банальна для такого сюжета). Волею судьбы он оказывается в деревне Средне-Верхнее Заанусье – месте, где время остановилось, пространство сломалось, а абсурд стал образом жизни.

Эти истории сначала публиковались на моей страничке, а потом разошлись по разным юмористическим ресурсам, которые были популярны в нулевые. Помните те времена? Когда в сети можно было найти что-то действительно смешное, а не бесконечные репосты котиков. Читатели тогда подхватили Кукиша, и он стал немного народным героем.

Правда, некоторые обвиняли меня в излишней фекалофилии. Что ж, спешу заверить: дело было в сюжете, а не в моих личных пристрастиях. Хотя, те, кто проводил свое счастливое детство в деревне у бабушки, с нужником на огороде, поймут, что такие впечатления из детского неокрепшего ума бесследно не исчезают.

Несколько раз я пытался закончить эту эпопею, но читатели, видимо, решили, что Кукиш недостаточно настрадался в жизни, и начинали требовать продолжения. В итоге заключительная история вышла в 2011-м, а теперь, в 2025-м, все это собралось в одну книгу.

Здесь нет нравоучений, зато есть юмор, иногда на грани фола, иногда за гранью, и капля философии, чтобы не слишком расслаблялись. Надеюсь, эти истории поднимут вам настроение, заставят улыбнуться, а может, даже вызовут желание завести говорящего хомяка. Хотя, предупреждаю, это на вашу ответственность.

Приятного чтения! И помните: реальность – это иллюзия, а хомяки – нет.

С приветом из безоблачного прошлого,

Автор.

Часть 1

История 1. Эмигрант по неволе

В глухой сибирской деревне, где-то на краю многострадальной, измождённой всяческими кризисами (и прочими природными катаклизмами) необъятно-обширной русской глубинки жил хомяк.

Многие скептически настроенные граждане, скривив рот в неожиданном сарказме, скажут:

– ...дишь! – Ну, в том смысле, что, мол, где это видано, чтоб там хомяки жили?

Да то непростой хомяк был, а хомяк-долгожитель, да ещё, к тому же говорящий, по прозвищу Кукиш. Его в стародавние времена купец Абздыхин из Ипони привёз – страны сказочной, и для ума нашенского непостижимо-загадочной.

Так вот: променял он его на бутылку первача, у ихнего ипонского самурая-алкоголика, поскольку гульфик себе меховой пошить собирался, а тот, как раз цветом к штанам подходил. В общем, выторговал он себе животину и в карман поклат, вместе с запонками из козьих окатышей, настоящим ипонским пресс-папье и императорской вставной челюстью эпохи Сараёки. Очень предприимчивый купец был – уж такие диковинки из странствий заморских привозил, что потом всей деревней в течение года гадали, что за штуковины и с каким хреном их жрать удобнее.

Значит, поклат он хомяка в карман, предварительно сильно надавив на евоное причинное место, чтоб тот от шока болевого сознание на время транспортировки потерял. Уж шибко образованный в медицине купец был. Сам всем оленям в округе обрезание делал и песцов оскоплял, дабы следить за численностью популяции и регулировать экспортно-импортные отношения с соседскими деревнями по торговле мехом и рогами. А хомяк-то, поскольку самурайских кровей происходил, к болям в мудях был абсолютно нечувствителен по причине крайней натренированности оных. Хозяин евоный прежний, самурай, зачастую любил на этом хомяковом месте орехи колоть, а поскольку подслеповатый был, да и самогончой абсолютно не брезговал, то частенько орехи с камешками путал. Бывало, положит камешек, размахнётся, что есть мочи, молоточком своим самурайским для колки орехов, да как шархнет – а камушек не колет, вот так весь день и колотит, пока сушняк не замучит. Частенько, кстати, промахивался, поэтому у хомяка не только промеж ног закалено всё было, но и другие участки организма тоже. Так же в результате этих тренировок, на двадцать первом году жизни, хомяк заговорил! Слова, поначалу вылетающие из него после каждого удара молоточка, носили хаотичный и оскорбительно-матерный характер, но со временем приобрели осмысленность и яркую филологическую окраску, так что если б эти слова какой-нибудь там Даль или Ожегов с ипонского перевести смогли, то надолго бы задумались и впали в транс, а словари свои так бы и не издали. Правда, и отрицательный момент тренировок тоже присутствовал: хомяк был подслеповат, глуховат, крив на оба глаза и страдал безостановочным энурезом с произвольной дефекацией. Но, так как слов этих он не знал даже по-ипонски, то мочился и гадился под себя запросто так, молча по-самурайски, не предавая оным процессам особого значения.

Короче говоря, сознание хомяк не потерял, а наоборот, приобрёл первый печальный опыт общения с русским купцом и сильно призадумался над жизнью своей хомячьей. Процесс осмысления обычно сопровождался у него и другими процессами жизнедеятельности.

Когда купец Абздыхин заметил, что карман парадно-затасканного сюртука начал протекать, могучий парусник под названием «Сибирская язва» (кстати, поскольку корабль этот частенько ходил за море, там снизу по-аглички было приписано «Anthrax» и порт приписки проставлен – Средне-Верхнее Заанусье) нёс его к далеким, пропахшим навозом и прелыми кедровыми шишками берегам родного села. Факт протечки кармана не столько расстроил купца Абздыхина, сколько обескуражил:

– Запонки растаять не могли – уж температуру таянья козьего помёта я знаю, чай батька агрономом при царе ходил; пресс-папье оконфузиться не могло – не живое оно; хомяк мною усыплён и во сне под себя ходить не должен – так у В. Бианки в трудах написано.

Запустив руку в карман, купец Абздыхин был немало удивлён, когда почувствовал, что его будущий меховой гульфик совершенно озверело вцепился в указательный палец и сквозь зубы истошно матерится по-ипонски. То, что «гульфик» именно матерился, купец Абздыхин понял сразу, потому как язык этот знал и любил общаться на нём с местными торговцами.

С трудом отцепив хомяка от своей плоти и залепив недетского щелбана, он поставил пришедшее в некоторое замешательство животное на стол, за коим изволил трапезничать.

– Кукись ёрасико иритума! – пропищал хомяк.

– Ах ты прыщ заморский! Это ж кто тебе родительницу мою оскорблять позволил?! – в гнев купец Абздыхин был страшен.

То, что зверюга говорит, его не удивило, а вот то, что он позволил себе нахальство по отношению к матушке, было чересчур. Звезданув что есть мочи по столу, явно целясь в голову хомяку, купец Абздыхин промахнулся, но от сотрясения хомяк взлетел и врезался головой в подлок, шарахнулся об палубу и исчез в прогрызенной крысами дыре. Купец же Абздыхин, обляпавшись реповой кашей с луковой подливкой, ещё долго буйствовал и пытался поймать обидчика, но тот бесследно исчез во чреве корабля.

Пока посудина шла к родным берегам, команда часто слышала писклявый голосок хомяка из разных укромных мест корабля. В основном это были непристойности, чаще всего среди которых звучало слово «кукись», что означало на ипонском глагол повелительного наклонения, в продолжение которому русский человек обычно добавлял «твою мать», а ипонский – «ёрасико иритума». За что, в общем-то, и был прозван Кукишем. Но, под конец плаванья, в лексиконе Кукиша заметно прибавилось слов из «великого и могучего», так что матросы почитали его за своего лучшего кореша, втихаря от купца Абздыхина подкармливали и прятали, а по прибытии отнесли на берег и выпустили в родном селе, где, как посчитали, столь образованный и закалённый хомяк не пропадёт...

И не ошиблись.

История 2. Калиныч и Пустобздяй

Калиныч был мужчина уважаемый, и слыл в селе не сильно пьющим, а просто иногда подолгу закладывающим. Работу свою работал исправно, правда всегда под «анестезией», потому как черпать с деревенских сортиров, а потом свозить за дальний пролесок продукты жизнедеятельности односельчан, без остограммлиения, не было никакой возможности. Но к алкоголической или к какой другой зависимости считал себя стойким, и потому «анестезию» принимал исключительно, как средство претупления обоняния – и никак иначе.

Так вот, когда, дочерпав последний, особо благоухающий нужник местного фельдшера Кудыпаева, он медленно катился в сторону пролеска по главной деревенской дороге, весело похлёстывая старого сайгака по кличке Пустобздяй, и напевая под нос недавно сочинённую им же частушку, со слуховым аппаратом Калиныча случился лёгкий столбняк. Оно и понятно: в шестьдесят седьмой раз перепевая недавно рождённый в муках куплет, он вдруг отчётливо услышал тоненький голосок с явно заморским акцентом, подпевающий бэк-вокалом:

«Если мимо кто навалит,
Сам пушай и убирает».

– Птруууу, дикобразина жидко помётная, – заверещал на сайгака Калиныч.

– А ну, кто тут? – заметно дрогнувшим голосом спросил он у фекальной бочки.

Не получив какого-либо вразумляющего ответа, кроме похрюкивания довольного Пустобздяя, радующегося неожиданному перекуру вне графика, Калиныч продолжил:

– Вот ведь давно чуйствовал, что от фелдшера испражнения запах какой-то особый идёт, да глюнациации начинаются, – пожаловался он в сторону леса. – Даром, что человек учёный, а вот за тем, что внутрь принимает, не следит, подлец, ни хрена. Вот на прошлый Иванов день, слышь, кляча дерьмопроходная, хорька у попадьи в курятнике изловил, да часть организму сожрал – без соли и сантиментов, думал, что тоже кур душить естеством своим, за раз сможет. Ему-то ничего, пронесло и забыл, а нам с тобой, кабыздох фекальный, в респираторах, да с двойной «анестезией» всю неделю черпать из евонного клозету пришлось!

Забыв о причине остановки, Калиныч уселся поудобнее, хлестнул сайгака, и затянув в очередной раз частушку, поскрипел дальше в сторону леса:

«Я в сортирах у людей
Ковыряюсь без затей.
Если мимо кто навалит,
Сам пушай и убирает».

– Сам пусай и урибает, кукись, куись, твою мать! – услужливо подпел фальцет.

– Ох, ёптыть! – Калиныч, что есть сил натянул поводья и подскочил на бочке, как ужаленный.

На другом краю повозки, заложив лапы под голову и жмурясь от удовольствия, лежал хомяк и самозабвенно пел. Такого поворота событий старый золотник явно не ожидал. Трижды перекрестившись, и на всякий случай, прочитав заклинание от изжоги, которому его научила прабабка ещё в детстве, Калиныч сильно зажмурился и сосчитал (не без труда) до трёх. Открыв один глаз и медленно сфокусировав его на другом конце бочки, он понял, что белая горячка – это не миф.

– Э, тиво ни поёсь, навозник-сан? – искренне удивился Кукиш. – Один харасо, с Кукисем луца!

- Ну дык, эта... вообще... вот... – смирившись с неизбежным, пролепетал навозник-сан.
- Чё-то голос пропал. А ты, эта... што, то исть хто?
- Матроса говорила, сто я Кукись, ипонский прысь.

Калиныч кивнул, несколько раз икнул и мужественно свалился под задние ноги сайгака, тем самым явно уходя в отказ от понимания происходящего. Так произошло первое слияние культур и наций, или можно сказать культурных наций, в селе Средне-Верхнее Заанусье.

В село пришла осень. Главную (и по совместительству единственную) дорогу размыло напрочь, так что по ней не мог пройти даже Пустобздяй. Посему Калиныч устроил себе небольшой отпуск. Сидя на своём единственном табурете возле окошка, он дни напролёт предавался ставшему любимым в последнее время занятию – игре в шашки живыми блохами. Игре этой его научил лучший друг и верный собутыльник Кукиш, заморский, говорящий (теперь уже совершенно чисто) на двух языках хомяк.

- Дави, дави его, Калиныч, смотри- в дамки же гад прорывается!
- Не мешай, сунс ипонский, у мене своя стратегия.

Играли, как водится, на щелбаны (со стороны Калиныча) и на напёрсток самогона (со стороны Кукиша). А поскольку хомяк был гораздо опытнее аборигена, то щёлкнуть его по лбу Калинычу так ни разу и не удалось, а вот запасы первача катастрофически сокращались. И вот, как-то после очередного проигрыша, Калиныч впал в уныние и долго молча смотрел в окно.

- Ну, чё призадумался, говновоза-сан? – не вытерпел долгой паузы Кукиш.
- Чё-чё, ничё, бородавка заморская. Самогонку-то вон всю выжрал, а к тётке Анисье мне идти?
- Знамо дело – табе! Ежели я к ней с такой просьбой приду, то ты не только её сортир, но и всю избу за год от репы, организмом переработанной не очистишь!
- Ну да, вот если б хотя бы Пустобздяй у ней самогону попросил, то она бы, по причине подслеповатости, и не поняла, потому как мы с ним на физиономии в сильной схожести находимся. Так ведь, собака степная, кроме как мычать да хрюкать – ни хрена не умеет.
- Ну не умеет, так и пёс с ним, хорош лясы точить, давай лучше в шашки покочевряжимся, а то похмел у меня начинается. Кстати, Калиныч, а у тебя в хозяйстве молоточка для колки орехов случаем не водится?
- Не, только кувалда для ремонту клозетов, а табе-то по што?
- Да так, просто спросил...

Через три дня Пустобздяй исправно бегал к тётке Анисье, правда при ходьбе сильно растопыривал задние ноги и очень громко матерился на ипоно-русском непереводаемом диалекте.

История 3. Эпидемия

Фельдшер Кудыпаев уже третий день не выходил из дома и не принимал посетителей, которых к этому времени скопилось уже немало. Фельдшер писал научный труд: «О возможных причинах массовых глюнацинаций села Ср.-Вр. Заанусье».

– Тут уж не токмо нобалевской премией попахивает, тут прямо таки собственной практикой грозит в столице, да кабинетом с белокафельными стенами и даже, возможно, тёплым сортиром, аккурат внутри палатей! – приговаривал фельдшер Кудыпаев, покусывая гусиное перо и выводя псевдо каллиграфическим почерком малопонятные медицинские, и самопридуманные термины на ободранной с поленьев бересте, потому как бумага кончилась ещё в прошлом месяце по причине сильнейшего расстройства внутреннего метаболизма эскулапа.

«Необходимо также отметить, что все обращавшиеся за помощью пациенты указывали один и тот же симптом: слуховые видения в области ушных раковин при кормлении, выгуле и прочих общепринятых процедурах с домашним скотом. По словам больных, животные, помимо присущих оным тварям звуков, пытались выразиться более членораздельно, и в основном, на басурманском наречии».

В качестве профилактических мер по предупреждению ухудшения состояния односельчан, фельдшер Кудыпаев изъял весь самогон у обратившихся накануне. Должных результатов подобная карательная мера не принесла – к нему приходили с жалобами на домашний скот всё новые и новые пострадавшие, но наученные уже ранее обратившимися к «дохтуру», самогон предварительно из избы выносили или выпивали. Когда количество больных достигло критической точки, фельдшер Кудыпаев всё-таки решил собственушно прослушать всех кур, поросят, коров и прочую живность.

Обход рогатого и остального скота не дал никаких результатов. Животные испуганно тарасили глаза на невропатологический молоточек (который он всегда носил с собой для проверки адекватности односельчан после принятия сверхурочной дозы местной самогонки) и либо обильно ходили под себя, либо пытались скрыться. Причём гадились в основном особи мужского пола. Исходя из чего светило медицины сделал вывод, что жители села заразились новой, доселе неизведанной болезнью, в противоборство с которой фельдшер Кудыпаев решил вступить немедленно, путём написания научного труда.

– Слышь, вонючка заморская, ты чего всю деревню всполошил? Табе, чё побалакать не с кем? Пошто животин мучаешь? Пустобздяя тебе мало, али я не говорящий вовсе?

– Так ведь об чём с тобой, Калиныч, поговорить-то кроме навоза можно? А сайгак твой, пудель безрогий, кроме как материться да самогону просить больше ничего вразумительного сказать-то и не может! А мне с равным по интеллекту пообщаться хочется, чтоб там Шопенгауэра али Цицерона какого обсудить.

– Дурак ты, Кукиш! Какого, туды его в качель, Цицерона ты обсуждать с Анисьевой Зорькой будешь? Даром, что ипонский, а в головном сосуде явно без масла пребываешь. Она ж с тобой кроме как о турнепсе с клевером боле-то говорить ни о чём и не захочет, даже если ты ей вымя на рога наденешь! А вот ежели ты, недоучка самурайская, и впрямь, по умным словам, соскучился, ты к фелдшыру нашему сходи – он тебе там быстро про всякие янурезы с клигмаксами расскажет.

– А и то верно, Калиныч, пора с дохтуром пообщаться, у мене ведь помимо бесед умнических, ещё одно дело к нему имеется.

Работа над научным трудом фельдшера Кудыпаева была в самом разгаре, когда в дверь постучали, а точнее поскребли. Не отрываясь от своего детища, фельдшер буркнул в сторону двери:

– Не приёмный день.

– Это как не приёмный? Тоже мне эскулап! А клятва Гиппократ и всё такое? Дело у мене неотложное к тебе имеется.

– Ладно, не скандаль, простыл что ль, судя по голосу? – не отрываясь от трудов, спросил дохтур.

– Да, какое там – хуже. Что-то я последнее время до противоположенного пола совершенно не охоч стал. Совсем промеж ног ничего не чую. Думаю, хозяин мой прежний в тренировках переусердствовал, глянь, мил человек, а я уж тебе не забуду!

Фельдшер Кудыпаев отложил в сторону свой научный труд и обернулся к двери. На пороге сидел хомяк и вопросительно-преданно смотрел ему в глаза...

История 4. Интимные подробности

Когда у попадьи крольчиха разродилась отнюдь не кроликами, а непонятного вида, странно верещащими скунсоподобными тварями, это событие было признано проделками нечистого. По сему поводу хлев окропили святой водой из стратегических запасов, крольчиху оскопили и предали анафеме, а потомство сдали на опыты в столичный санаторий имени «Собаки Павлова». Происшествие держали в строжайшей тайне, но слухи поползли по селу, обрастая подробностями, как снежный ком. Когда молва докатилась до старого золотаря Калиныча, того хватил кондратий и держал пять с половиной минут, пока он искал запрятанную от сожителя самогонку.

– Ё... твою мать, ни... я себе..., дела... – Вернувшийся дар речи вырвался сдавленным хрипом. Набрав воздух в прокуренные лёгкие, Калиныч рывкнул:

– Кукиш!!! А ну, подь сюды, падла иноземная!

– Ты чего, Калиныч? Поди опять надышался духтурским зельем, али привиделось чего? – проворчал сонный Кукиш, выползая из часов с кукушкой (точнее – без кукушки, ибо её выдрали неделю назад, и теперь там обосновался хомяк).

– Христа на тебе нету, язышник ипонский! Ты что творишь, мошонка барсучья? На што я тебя приютил, самогоном делился? Лучше б тебя в детстве жуки навозные заклевали!

– Да не ори ты, черпало старое! Итак голова после вчерашнего трещит. Нехрен так орать – я из твоей нычки пару напёрстков отпил, а вони-то, будто всю бутылку оприходовал.

– Какая бутылка?! Ты почём попадьиноного козла ссильничал? Зачем курам гузню выбрил? На кой ляд крольчихам уши пообрывал да в причинное место насувал?!

– Слышь, Калиныч, ты совсем с глузду двинулся?

– Ах, с глузду! Да я тебя...

Рукоприкладству не суждено было свершиться – дверь распахнулась, и в избу влетел фельдшер Кудыпаев.

– Где этот хорёк говорящий?! – завопил он с порога.

– Тут он, дохтур! Жизни я его лишать собрался! – Калиныч замахнулся портянкой.

– А, вот ты где, бык-осеменитель! – эскулап игнорировал Калиныча. – Не зря прежний хозяин тебя по мягким местам лупил! Кастрирую гвоздём ржавым, пинцетом хозяйство поотрываю!

В избе воцарилась гробовая тишина. Слышалось лишь учащённое биение сердца хомяка. Калиныч застыл с занесённой портянкой.

– Не губите, мужики! – взмолился Кукиш. – Ну как мне прибор опробовать-то было? Кто ж знал, что крольчиха на всю деревню растрезвонить может? Я ж её разговорам не учил!

– Не трепала она, – успокоившись, сказал Кудыпаев, – разродилась.

– Поздравляю, папаша! – Калиныч иронично поклонился. – В крёстные позовёшь?

Когда страсти улеглись, компания, приняв успокоительного (всё, что было в доме и ещё Пустобздья два раза посылать пришлось), стала думать, как жить дальше.

– Ты ведь нас пойми правильно, Кукиш, мы супротив твоей половой жизни ничего личного не имеем. Но ведь ежели коровы, или там утки с гусями, хомяками разрождаться станут, это ведь какой позор на всю округу! У нас ведь ни один порядочный купец ни молока, ни мяса не купит! Это ведь экономический кризис, понимаешь! Это ведь, как его, ну в общем, обструкция какая то! – с трудом вешал доктор.

– Да уж, хома, ты бы как нить поаккуратней, ну там сам себе подсоби, али там ышшо как нить.

– Сволочи вы оба, нелюди, сами то небось, не дураки чё-как, а мне, а я? – склонившись над недопитым напёрстком приговаривал Кукиш, пока не заснул.

Фельдшер и Калиныч аккуратно уложили его в часы за печкой, а сами стали думать, как помочь заморскому чуду: как никак, а парень хороший, да и чисто по мужски вобщем.

На следующий день Калиныч, взяв с Кукиша торжественное обещание с половыми излишествами подождать недельку, клятвенно заверил того, что они с «дохтуром» нашли совершенно мудрое и для всех положительное решение проблемы.

А ещё через неделю на имя фельдшера Кудыпаева из столицы пришла посылка, на которой значилось: «Заказ №001-СВЗ – Чучело хомяка обыкновенного во всех анатомических подробностях (женского полу)».

История 5. Зимняя депрессия

Неожиданно в селе Средне-Верхнее Заанусье случилась зима. Выпал снег, а у ассенизатора Калиныча – предпоследний зуб. Оба события было решено отметить этим же вечером. Комиссия по принятию консенсуса состояла, как обычно, из пяти персон: двух пассивных (которые по умолчанию принимали сторону большинства) и трёх активных (которые, однако, в вопросах, касающихся отмечания чего бы то ни было, всегда выражали единодушное мнение). К пассивным относился преклонных лет сайгак по кличке Пустобздяй и изрядно потрёпанное, особенно в районе интимных мест, чучело хомяка (то есть хомячки). К активным же – местный фельдшер Кудыпаев, сам Калиныч и разгульный вольнодумец импортного производства, оголтелый противник сухих законов, говорящий (пьющий, жрущий и гадящий где попало) хомяк по имени Кукиш.

Заседание открыл, влетевший в избу с мороза, фельдшер:

– Ух, ити ихнюю мать! Видали, сколько снега-то навалило, а? Ежели так пойдёт, через неделю в изоляции от всего миру пребывать будем, как купец Челюскин в прошлом годе, в антарктических льдах! Здоров, Калиныч! Чего тихий-то такой?

Калиныч возвышался неприступно-молчаливой горой над практически пустым столом посреди избы и на внешние раздражители не реагировал. Перед ним лежал сухарь чёрного хлеба с торчащим из него зубом – возможно, даже мудрости.

– Ага, понятненько. Хлебушком не свеженьким оскоромились. А ну-ка, открой пасть, я как духтур гляну, – весело защебетал Кудыпаев, скидывая на ходу потёртый зипун.

– Да иди ты, душегуб проклятый! Тебе б только позубоскальничать, а у мене организм убыток понёс. Предпоследний выпал, жевательный, – в сильнейшей апатии произнёс золотарь.

– Да не переживай ты так, Калиныч! Вот подождём, когда из тебя последний выйдет, и закажем в столице протез челюстной – с карельской берёзы, али с красного дуба. Гвозди перегрызать будешь, не то, что сухари!

– Ну коль не брешешь – списибо на том. Давай тады это дело взбрызнем! – заметно повеселев, засуетился Калиныч.

– Слышь, а где твой пасюк-то говорящий? Дрыхнет, что ль, хорь заморский?

Из кукушкиного дупла вылез абсолютно мрачный Кукиш, и запрыгнув на шапку фельдшера, справил ему за воротник большую и малую нужду. Затем так же молча забрался обратно и захлопнул ставни.

– Калиныч, чего это он, а? Обиделся, что ль? – недоумённо спросил Кудыпаев, промакивая рукавом шею.

– В меланхолии пребывает. Надесь как снег выпал, так и пребывает. Говорит: «На родину уеду! Там, только Фудзияма какая-то в снегу, а тут, что ни хата – то Фудзияма. И холод такой, что аж мошонка звенит».

– А, понятно – дисперсия! То есть депрессия!

– И чё с енттой дисперсией делать? Так ведь и правда уедет. А как жа я без него-то?

– Ты для начала разлей на троих, а там порешим.

После долгих уговоров, мольбы и просьб, их величество Кукиш соизволил спуститься и опрокинуть пару-другую напёрстков, но при этом так же мужественно молчал и не глядел в глаза сельчанам. Рассказы Калиныча и Кудыпаева о снежных бабах, катаниях с горок и соревнованиях по биатлону абсолютно не вдохновили хомяка. На тридцать девятом напёрстке он икнул, буркнул себе под нос:

– Завтра же уйду, пешком, как Ломохвостов. Благо шерсть отгустела – глядишь, и не обморозюсь...

Ещё раз икнул и свалился под стол, уже храпя в полёте.

– Уйдёт, местом ягодичным чую – уйдёт, – всплакнул Калиныч.
– Обморозится, бедолага, али заплутает – один перец пропадёт, – подхватил фельдшер.
– Надо что-то делать! – решительно ударил кулаком по столу Калиныч.
– Тихо, не шуми! Есть одна мысль... – заговорщицки подмигнул дохтур. – Никуды он не уйдёт. Давай, тащи его на стол!

Наутро, аккуратно под покров, село Средне-Верхнее Заанусье огласилось дичайшими криками и завываниями, которые доселе в этих краях никто не слыхивал. Позже этот день в селе окрестили Днём Оратора (от слова «орать»).

О причинах же, вызвавших такое ужасное звукоизвержение, ровно, как и об источнике, знали в селе только два человека.

И один некогда пушистый, но теперь абсолютно лысый (то есть гладко выбритый до последнего волоска) хомяк.

История 6. Сталактита

Весело поскрипывали колёса по свежавшему снежку, задорно блял Пустобздяй (после долгого простоя, наконец-то, выведенный на волю), самозабвенно дремал Калиныч, кивая головой в такт колёсам. Фельдшер Кудыпаев, завидев издали знакомую повозку, приостановил процесс очистки от снега бюста Гиппократы, стоящего в огороде, и подбежав к забору, призывно замахал руками:

– Калыч, тьфу, ты, то есть Калиныч! Подь сюды, Калиныч, разговор до тебя имеется!

Собиратель фекалий недовольно поморщился во сне, и не просыпаясь, хлестнул сайгака, задав тому направление к дому «дохтура». Подъехав поближе, Калиныч соблаговолил приоткрыть один глаз и вопросительно взглянул на фельдшера Кудыпаева.

– Здоров, Калиныч! Ужо сколько тебя не видел-то. Как жизнь?

– Скока, скока... С того дня, как хому моего обрил, живнодёр.

– Да ладно тебе, зато в доме остался, не убёг никуда.

– Ага, табе-то чё? Обесстыдил и домой, а я-то натерпелся за это время неврологических мучений – просто ужас!

– Так рассказал бы! А то заперлись там, как два отшельника-гомофила...

– Ты тут красивыми словами не кидайся! Не знаю, что значат, но чую – обидные.

– Да ладно, не забижайся. Соскучился я просто. Как оно вообще?

– Да как, как... Кукиш по возвращении в сознание орал часа два, пока голос не извёл, потом на меня с лучиной отточенной кидаться начал. Дык, как я его утром-то увидел, сам чуть сознанием не вскипел – уж больно страшен без шерсти, живогрыз то. Ну, я ему, что осталось, в пасть залил – так он опять задрых. А как проснулся – два дня из дупла своего не выказывался. Я уж думал – помер. Потом, как вылез, шкуру с чучела хомячихи ободрал, на себя напялил и ушёл. Я было пытался не пустить – так он пригрозил избу запалить, пока я спать буду. Думал: всё, не вернётся... Через две недели пришёл – без шкуры, правда, и измятый шибко. Попросил самогону и спать завалился. Где был – не знаю. Может, у Анисьи в подполе отсиживался – у ней там запасов всяческих хватает, а может ещё где.

– Эээ, не... Думаю, у попадьи он кантовался, – перебил Калиныча Кудыпаев.

– Это почему?

– Так слышал я на медне – она Акимке кривому, охотнику, жалилась, что у ней говорящий ёж-матершинник завёлся: весь кагор для причастия выжрал и просфирки погрыз. Так пристрелить просила. Ну, Акимка ко мне: «Мол, того, попадьа с кондыбаху схруснулась – лечить надо». Ну, я ему присмотреть пообещал, а сам думаю: твой-то, неужто ежиху оприходовал? Как, думаю, место-то причинное не поколол...

– Та не, никого он не того. Я ж его-то, как увидел по возвращению – чуть рукомошкой не зашиб, не признал, бишь! Цвету чёрно-грязного, щетина отросла, как у тебя апосля рождественских, – ну, натурально ёж недомерок!

– Ну, вернулся – и то ладно. Ты, может, его ко мне приведёшь? Здоровье поправим – ежели там простудился али инфекцию какую подхватил?

– Не, дохтур, ты о нём забудь! Он как о тебе слышит – так его колотун пробирает такой, что изба трясётся. Матерится по-ипонски и по-нашенски, да ещё харакирием грозит. Так что, уж я его в чуйство сам приводить буду: репой натру, хрену в уши на ночь напихаю, чтоб обдифицировать. А от апатии – знамо дело, средство найдём. Даже ежели мало будет – Пустобздяй к Анисье сбегает. Так что бывай, дохтур. До лета в гости не ждём, а там – может, и подзабудет обидки все.

– Погоди, Калиныч! Я ж забыл совсем. У меня к тебе ещё по делу интерес имеется. В нужнике такая сталагмита выросла, что по нормальному не сходит – колет, зараза, прямо

промеж ягодиц. Я её скальпелем сковырнуть пытался – так она, паскуда, на морозе в твёрдость выпала, я об неё штук семь затупил. Ты уж будь любезен – очеловечь клозет мой.

– Ну, давай, показывай свою Афонскую пещеру.

– Заезжай. А у тебя бочка-то выдержит? А то сталагмита размеров немалых будет.

– Ща разберёмся.

Заехав на засыпанный снегом двор «дохтура», Калиныч спешил к сортиру.

– У, красотища какая! Даже рушить жаль! – уважительно пнув ногой замёрзшую вершину тёмно-коричневого айсберга, присвистнул Калиныч. – Тут без стакана не обойтись!

– Ща принесу – чистенького, медицинского. Ты только уж под корень её, голубчик, чтоб быстро-то не нарастала. А то ить сам знаешь – я на филейную часть-то слаб. Раза по три, а то и по четыре до ветру бегаю! – приговаривал фельдшер Кудыпаев, семена к дому.

Калиныч ухнул залпом принесённый стакан, занюхал под хвостом у Пустобздя, и забираясь на телегу, изрёк в сторону «дохтура»:

– Я енту пирамиду Хеопса сковырнуть не смогу!

– То есть как это – не смогу?! То есть спирт жрать казённый – смогу, а работу свою делать – не смогу? Да ты что, Калиныч, совсем ужо...

– Да не кипятись ты, медицинская твоя душонка! Не дослушал – а ужо голосишь, как пришпаренный! Без инструмента не смогу – тут каловорот с кувалдой нужен. Так что завтра к тебе, с утра прибуду. Работёнки-то на весь день. – Калиныч хлестнул сайгака и покотил в сторону дома.

– Так бы сразу и говорил! – крикнул в вдогонку успокоившийся дохтур.

– Пол-литру готовь! – донеслось в ответ.

Ввалившись в избу вместе с клубом пара и свежим запахом отходов организма, Калиныч бухнулся на табурет и принялся разматывать портянку.

Кукиш, уже довольно сносно обросший, но всё ещё невесёлый лицом, сидел на столе и затачивал большой ржавый гвоздь о зачерствелую картофелину.

– Здорово, говновоза-сан! Где был-то? – не отрываясь от процесса, пискнул Кукиш.

– Да у Кудыпаева был. У него, как всегда, нужник полный, а на морозе-то особо не выгребешь. Так что чую – завтра работы на весь день!

При имени фельдшера левый глаз хомяка стал дёргаться с частотой взмаха крыльев колибри, движения – резкими и озлобленными, а процесс дефекации – абсолютно неуправляемым. Это длилось несколько минут, но затем лицо Кукиша вдруг просветлело:

– Так ты завтра фельдшыру нужник чистить будешь?

– Ну да, а чё?

– И много в ём помёту?

– Да стока, что за день боюсь не управлюсь!

– Могу подсобить, – хитро прищурив и без того раскосый глаз, предложил Кукиш. – За десять минут управимся.

– Так ты на дохтура не серчаешь? – удивился Калиныч.

– Кто старое вспомянет – тому жабу в глаз, али как там у вас балакают? – подозрительно елевым голосом пропел хомяк.

– Ну, коль подсобишь – спасибо. Но за десять минут-то как? – недоверчиво спросил Калиныч.

– Старая ипонская технология, основанная на самурайском опыте, – хитро подмигнул Кукиш, пробуя гвоздь на остроту об бородавку на ноздре Калиныча.

История 7. Месть

Суэта вокруг клозета началась почти с самого утра. Кукиш на фельдшерском огороде, около отхожего места, чертил на снегу непонятные иероглифы. Калиныч, как обычно, дремал, завернувшись в тулуп, а Кудыпаев нарезал круги вокруг хомяка, поминутно заискивающе интересуясь, чем тот занят:

– А енто, чё, хомушка, за закорюка такая?

– Уйди, дохтур, не мешай. Ежели под ногами путаться будешь, мы и до вечера твой сральник не разгрузим.

– Ну хоть сказал бы, чё задумал, не опасно ль, а?

– Не опасней, чем аппендикс кобыле под хвост пришивать. А ну, подай-ка мне вон те свёрточки и вот енти железяки.

– Эти, хомушка?

– Эти, эти. А теперь шёл бы в избу, а то я смотрю – ботиночки у тебя на тоненькой подошве. Подхватишь воспаление лёгких и у-гу – летальный исход!

– А и то верно! Пойду пока огурцов нашинкую, да капустки наковыряю. А вы, как закончите, так заходите – мировую выпьем.

Фельдшер с таким проворством метнулся к дому, что Пустобздяй, мирно похрапывающий в унисон Калинычу, присел на задние ноги, растопил под собой снег и матернулся на только ему понятном диалекте. Старый ассенизатор зевнул, и не без труда сфокусировал глаза на возящемся у туалета хомяке:

– Ну что, Менделеев хвостатый, закончил снег разукрашивать?

– Ща, Калиныч, поправку на ветер рассчитаю – и можно будет начинать.

– Какую справку?

– Неважно. Давай коловорот доставай, и где покажу, дырки в ентом чуде природы проковыривай.

– Тожа мне – чудеса! Вот ежели бы энта куча фигуристой была, на манер статуи, али прозрачной, то енто чудеса. А так – помёт замороженный, – изрекал Калиныч, спрыгивая с повозки и вытаскивая инструмент.

– Так может, домой заберём, ты её обтесаешь и в Лувр на выставку сдашь?

– Тьфу ты, гадость кака, прости Господи! Ты, Кукишь, андазначно, как у попадьи пожил, – совсем головой в расстройство пришёл. Кто ж из дерьма статуи лепит, дурило ты иноземное?

– Да ладно, пошутил я. Ты ковыряй интенсивней, а я пока техническую часть подготовлю.

Кукиш достал из пакета стреляные гильзы от охотничьего ружья, позаимствованные накануне у Акимки Кривого, охотника, и банку непонятной смеси, над которой колдовал всю ночь. Аккуратно начинив все двенадцать гильз, он воткнул в каждую фитиль, сделанный из хвостовой части Пустобздяя, и передал всё это Калинычу:

– Ну, распахивай в туды, где дырки делал.

– И на что ты всё это затеял? Я б её и ломиком с кувалдой размелчил, а тут возни стока... Уж больно велика честь для фельдшера клозету.

– Не прогрессивный ты человек, Калиныч, – с укоризной произнёс Кукиш, залезая на повозку. – А теперь зажигай, начинай с самого длинного – и ко мне забирайся. Отсюда, победой разума над всем остальным, полюбуемся.

Калиныч стянул с себя ушанку, надел на Пустобздяя и подвязал на шее уши. Перекрестясь, запалил фитили и забрался на повозку. Из окна дома высунулся фельдшер Кудыпаев, с интересом уставившись на происходящее:

– Неужто всё? А я как раз и на стол наметать успе...

Окончание фразы утонуло в оглушительном взрыве. Клозет, подобно отстрелянному ракетоносителю, разлетелся в разные стороны, и из глубины шахты, утробно урча, в клубе дыма и огня вылетел тёмно-коричневый остроконечный айсберг. На мгновение зависнув над избой фельдшера Кудыпаева, он перевернулся и поразил цель, проломив крышу прямо около трубы. Но внутрь избы не провалился, а завис на чердаке, деликатно протиснув нос между потолочными досками аккуратно возле люстры.

Затянувшуюся паузу нарушил Кукиш:

– Ну что, пойдём к фельдшеру, Калиныч? Он за работу проставиться обещал. Только идём быстрее, пока енто украшение на чердаке оттаивать не начало. Изба-то у дохтура хорошо протоплена.

История 8. Страшная история

Стылая земля вязко хлюпала под ногами. Лопата постоянно выскользывала из вспотевших лап, шерсть от обильного потоотделения свалаялась и висела клочьями. Кукиш рыл могилу. Себе. Немного поодаль стояли Калиныч и Акимка Кривой, охотник. Оба задумчиво попрыгивали самокрутками. Акимка протирал ствол ружья грязной ветошью.

– Слышь, Калиныч, а чего на него патрон-то изводить? Мож, утопим?

– Та не, Акимка. Этож прорубь сверлить надо, камень на шею привязывать – морока вообще. А так пальнул разок – и готово. Собаке – хомячья смерть! Или как оно там?..

– А может, эта... бритвой по горлу, да в колодец?

– Табе чё, патрона на варвара заморского жалко? Али не хош энтим монголам за нашествие отплатить?

– Так ить, он вроде как, из Ипони. Да ещё, стервец, и говорящий – раритет всё ж таки, жалко! И патрона жалко – не казённые, чай, а честно выменяны на первоклассный бобровый помёт. Два года собирал!

– Р-разговорчики в строю! А ну, заряжай! Докопал, Батый хвостоголовый?

Кукиш отбросил в сторону лопату, гордо вскинул голову и сплюнул в сторону Калиныча:

– Всех не перестреляешь, дерьмовая твоя душонка! За мной придут тысячи... нет, миллионы... нет, больше... или примерно столько других – и закончат начатое мной дело!

– Ахтинг, то исть вообще ахтунг... пли!

– Банзай, падлы! – что есть мочи заорал хомяк и рванул тельняшку на груди...

Мирно посапывающего Калиныча разбудил дикий вопль, раздавшийся из-за печки. Затем оттуда вывалился полусонный хомяк, дико вращавший глазами и матерившийся на ипонском диалекте. Сфокусировав заспанные ещё глаза на Калиныче, Кукиш с диким криком запрыгнул ему на грудь и остервенело принялся душить левую ноздрю золотника:

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу!!!

– Да ты что, хома? Привиделось чего, что ль?

– Всех не перебьёшь! Но пасаран! Нихт шизн! Куба да, янки нет! Вива Че Гевара!!!

– Да уймись ты, титька тараканья! Пусти ноздрю – дышать нечем. Знаешь же, бестолочь ипонская, насмурк у мене!

Кукиш не унимался. Тогда Калиныч схватил первое, что попало под руку, и звезданул хомяку по лбу. Это оказалась любимая мухобойка Калиныча, которая с сухим хрустом переломилась о голову Кукиша. Хомяк затих, осел, оконфузился, и посмотрев на соседа по избе, произнёс заплетающимся языком:

– Доброе утро, штоль? А?

– Здоров, душевнобольной.

– Ох, Калиныч, знал бы ты, что мне привиделось... Ты ж мене, гад, расстрелять хотел!

– Да... Вот я и думаю – какой-то вкус у вчерашнего денатурата не такой. Мне вот, всю ночь фелдшыр голый снился, с хвостом бельчим вместо причинного места. На трубе у попадьи сидел и огурцами в кур еёных кидался. А потом в руку себе сходил, снежок из еного дела слепил и в попадью запустил. О, как!

– И правда... Нам Анисья абсенту какого-то продала вместо самогону, али настаивала на чём не том...

Кукиш отпустил ноздрю Калиныча и запрыгнул на стол, где после вчерашнего валялся недоеденный хвост квашеной селёдки и надкусанная вяленая кочерыжка. Задумчиво пожевав чего-то и не почувствовав вкуса, Кукиш решительно накинул на себя шкуру, снятую с чучела хомячихи:

– Пошли на кузнецу, Калиныч.

– Слыш, иноземец, ты уже проснулся вроде. Какая кузнеца? У тебя что, енти... как их... флеш-беки начались, что ль?

– Не, Калиныч. Сон хоть и дурной, но на мысль наводит. Мне оружие надо. Меч самурайский. И нунчаки. И кимоно... Не, это, пожалуй, не на кузнецу. Это мы попадью попросим – уж больно в вышивке рукодельна. И в кружок контактного макраме, пожалуй, записаться надо, и мягкой игрушки на всякий случай. И часы надо чугуном обшить, да щеколду на дверцы с секретом поставить. А ещё пожалуй...

– Уймись, Христом-Богом прошу! Давай лучше опохмелимси.

– Енто мы завсегда успеем, но сначала на кузнецу пойдём. Мне таперь без меча – не жисть! Это ведь я без оружия, любому сапиенсу доступен на поругание буду. Вставай, Калиныч, на кузнецу идём!

– У, етит твою налево... Завёл в доме паразита. И как ты с кузнецом, Степан Запарычем, изъясняться собираешси? Он же, как тебя, скунса говорящего, увидит – так и нарушится вовсе. Итак последнее время с разумом не всегда в ладах пребывает.

– Ничего, ничего. Ты вон, тожа, маненько с катух скатился после встречи нашей незабвенной, а потом пообвык. И дохтур, тожа, недолга в дурке столичной лежал... Хотя, я бы его оттуда и вовек не выпустил. Пошли – я без меча таперь, ну никак не могу!

История 9. Сабля

Уже третий час деревенский кузнец Степан Запарыч пребывал в сильном умственном напряжении. Он выполнял эксклюзивный заказ купца Абздыхина. А именно: изготовление абсолютно непонятных ему в применении двух диковинных полозьев, которые купец окрестил «коньками». Поскольку купец Абздыхин слыл человеком, для села неординарным, и к выходкам одного сельчанина были привыкли, Степан Запарыч безропотно принял заказ – тем более, что в качестве вознаграждения Абздыхин пообещал первоклассный французский виноградный самогон, по словам купца, на виноградных же клопах настоящий. Единственное, о чём спросил кузнец, – это в каком применении хочет Абздыхин полозья свои использовать: «Потому как, чтоб душу в изделие влить, знать надо, как оно работать будет». На что купец гордо ответил:

– К валенкам привяжу и на воде, морозом отвердевшей, кататься буду, как господа парижские! Для укрепления здоровья организма и получения эстетского наслаждения, ровно, как и удовольствия!

Степан Запарыч подождал, пока за купцом закроется дверь в кузницу, покрутил грязным пальцем у такого же по чистоте виска, плюнул на руки и, перекрестясь, принялся за дело. В пылу работы он не сразу заметил, что в кузнице неуверенно переминается с ноги на ногу местный золотник Калиныч, и что-то пытается сказать. Шум раздуваемых мехов полностью заглушал слова, произносимые Калинычем, поэтому, когда кузнец остановил процесс, то услышал только самый конец обращённой к нему фразы:

– ...бля!

– Ты это чего, Калиныч, матерись? Черпак, что ль, поломал? Чичас заштопаем – не пережуй.

– Та не, Степан Запарыч. Не матерюся я. Говорю, что мне... ну, как бы сказать-то... В общем, надобна мне самурайская сабля!

– Кто?! Да вы что ж всем селом с глузду тронулись? Ну ладно – Абздыхин, а ты-то, Калиныч, нешто в силу возраста чердаком пошатываться начал?

– Так ить, не для мене она. Для хомяка моего – басурмана заморского. Он, понимаешь, за жисть свою сильно опасаться стал – говорит, без сабли таперь из дому не выйду!

– Ага. Так значить, и говорит: «Мол, без сабли не выйду»? Понятно. Ты, Калиныч, присаживайся, а я сейчас приду. Ты только не волнуйся и рукмя ничего не трогай – а то пожжёшься! – кузнец стал потихоньку пятиться к двери, отгесняя от неё Калиныча.

– Ежели ты, Степан Запарыч, за дохтуром собралси, так он табе подтвердит, что мне без меча никак нельзя. Я с ним, как с психотерапевтом, консультацию имел... – услышал кузнец тоненький голосок, раздавшийся откуда-то из недр калинычевского ватника.

– Твою так! – осел на скамейку обескураженный кузнец. – Малого того, что чердаком поехал, так ещё чревом своим, прямо скажем не здоровым, вещать начал!

– Да не я это. Ты только не пужайси, Степан Запарыч. Хомяк енто мой, Кукиш. А ну, покажись, выхухоль иноземна! Скока за тебя позор терпеть буду... – буркнул Калиныч себе за пазуху.

После некоторой возни из-под фуфайки Калиныча на пол кузницы выкатился довольно больших размеров хомяк, имевший немного раскосый разрез глаз и запахнутый в шкуру себе подобного животного. Немного повертев головой, он уставился подслеповатыми глазами на кузнеца и радостно защебетал:

– Здоров, Степан Запарыч! Наслышан, наслышан о талантах твоих в деле кузнечном, посему за помощью к табе обращаюсь, мурлом быюсь!

– Тьфу ты, напужал... – облегчённо сплюнул на пол кузнец. – Я-то думал, Калиныч того-этого... А он-то просто пасюка говорящего приволок. Здоров, коли не шутишь! – сунул под нос Кукишу мозолистую ладонь Степан Запарыч. – Так, на кой ляд тебе сабля-то понадобилась? Давно, кстати, тебе по мудям заехали?

– А ты откель знаешь? – удивился Кукиш.

– Слышь, Степан Запарыч, – неуверенно окликнул кузнеца Калиныч, – а ты что, часто говорящих хомяков видел?

– Эка невидаль! Говорящий! Я вот тридцать лет отроду немой был, как сайгак твой пучехвостый, пока на кузнице себе промеж ног кувалдой не заехал. Потом так заговорил, что дня три остановить не могли. Зачем сабля-то?

– Для самообороны! – гордо заявил хомяк, почувствовав в кузнице родственную душу. – Я ведь ещё на родине, хозяина своего просил меч самурайский прикупить, потому как не пристало мне без него ходить, а он, якудза хренов, говорил, что я мудями закалён ещё недостаточно сильно. Да тут, надясь, сон дурной привиделся... Так что ты уж, Степан Запарыч, не сочти за труд, а мы с Калинычем тебе и проставу сделаем – сральник, то есть сортир твой, за просто так, от продуктов жизнедеятельности избавим.

– Да не проблема. Ты мне только форму опиши – а мы уж енто дело враз слепим. Вот только коньки Абздыхинские закончу – и скую тебе чего-нить.

– Абздыхинские? – насторожился Кукиш. – Уж не того ли купца, что за море ездит и торговлю ведёт?

– Того самого. А ты его каким макарон знаешь-то?

– Да... долгая история. Коньки говоришь? Ты ежели хошь, Степан Запарыч, я тебе советом в изготовлении помогу. Хозяин мой прежний, уж очень уважал на коньках кататься, и потому всякие усовершенствования придумывал. Такие коньки Абздыхину слепишь – летать будет аки птица!

– Ну так, а что ж – помоги, коли не шутишь! А то я, в ентом деле, не сильно волоку.

– Ну, значить, смотри суда...

Кукиш поднял с пола обломок веточки и начал чертить схему коньков для купца Абздыхина.

История 10. Заклятый враг

Истрадавшись вконец, купец Абздыхин снял валенки с примотанными к ним железяками и с досады бросил их в сугроб. Сделанные кузнецом по спецзаказу коньки и усовершенствованные им же, на «ипонский манер» (как выразился Степан Запарыч) отказывались ехать напроць. Купец Абздыхин ещё при получении изделия из кузницы выразил крайнее недоверие по поводу функциональности коньков, кои представляли из себя перекрещенные скобы, загнутые книзу. На что Степан Запарыч степенно отвечал, что, мол, «не извольте сумлеваться, имел консультацию с заграничным специалистом, усё будет в полной сатисфакции!»

И вот, после пятого часа мучений, исцарапав и вскрыв весь лёд на центральной городской луже, купец выбился из сил. Усевшись в сугроб и достав флягу с импортным напитком устойчивой крепости (названия у напитка не было, потому как туда сливались все жидкости, имеющие горючее свойство, которые только Абздыхину удавалось найти в странствиях), купец крякнул, запрокинул голову, и смачно побулькав, утёр окладистую бороду. Затем, так же с чувством рыгнув, убрал флягу в карман и задумчиво произнёс:

– Чавой-то Запарыч напутал. Что за консультант такой, ипонский, ему советов насоветовал, грелку ему в грызло?

– Да, ваше купечество, боярыни Родниной из вас явно не выйдет, – услышал купец тоненький, и как показалось ему, знакомый голосок, – А грелочку-то, вы бы себе лучше запихали, да не в грызло, а в калоиспускательное отверстие, чтоб геморрой там всякие с простатитами не мучали, и вообще, не хрен на технический прогресс пенять, коль ногами криво заточенными выродились!

Рядом с купцом, на снегу, сидел косоглазый хомяк, завернутый в шкуру другого хомяка и явно пребывающий в подпитии.

– Ах ты, титька тараканья! Уж не тебя ль я на корабле лаптем гонял, фауна иноземная?

– Меня, гражданин купец, меня. А я, видите ли, незлопамятный оказался. Даже вот конёчки для вас, Степан Запарычу справить помог.

– Вот оно что! Значит, ты и есть тот специалист из Ипони? Так ты, стало быть, надо мной шутки шутковать вздумал, хрючья твоя душонка! – Абздыхин снял с ноги валенок и запустил им в хомяка.

Валенок со свистом пролетел над головой Кукиша и баллистической ракетой скрылся на заднем дворе Акимки Кривого, охотника. Несколько секунд было тихо, затем раздался выстрел и дикий вопль попадья. Кукиш и Абздыхин, забыв взаимные обиды, не сговариваясь понесли на двор к Акимке Кривому.

Тот сидел посреди двора на чурке для колки дров, удивлённо хлопая глазами. В руках у него была ещё дымящаяся берданка, рядом валялся абздыхинский валенок, а по двору носилась, дико визжа попадья, держась обеими руками за сдобно-ягодное место. Купец Абздыхин, мгновенно оценив ситуацию, аки коршун бросился на попадью, содрал с неё юбку и запихал по самое «нехочу» в большой сугроб. От удивления попадья притихла.

– Ох ты, ять-переять, – запричитал Акимка Кривой, охотник, – прости, матушка, не со зла я, сам не знаю, как вышло-то!

Возникшую было паузу заполнила попадья, опять разразившись неимоверным криком сокрушительной децибелности. В унисон ей вторил Акимка Кривой, охотник, рвя на себе волосы и стучась головой о чурку.

– А ну цыц всем! – скомандовал зычным басом купец Абздыхин. – Что за ледовое побоище тут у вас?

– Дык, я ж и говорю, – снова запричитал Акимка, – сижу, ружьё проверяю, никого не трогаю, только солью прирядил, дай думаю над клячей своей приштукую... А тут попадья пришла

и опять за своё: «Пристрели ежа-матершинника, пристрели ежа-матершинника!» Ну, я ей только собрался предложить мухоморов поменьше трескать, как тут меня по башке-то хрясть, а палец-то на курке был... Ну а мимо такого обширного хозяйства промахнуться-то тяжело было – вот и вышел конфуз.

– Понятно. Уж не ентого ли ежа ты пристрелить хотела? – обращаясь к попадьё, ткнул пальцем в сторону стоящего рядом хомяка Абздыхин.

– Этого, батюшка, этого! Ах ты антихрист, ах ты паразит, я ж тебя... – попадьё, не надевая исподнего, выскочила из сугроба и кинулась к Акимке, пытаясь вырвать у того ружьё.

– Снова цыц всем! – купец усадил попадьёю обратно в сугроб и вернул берданку Акимке. – И чего ж тебе этот «матершинник» худого сделал?

– Как что? Опять весь кагор выжрал, охальник!

– Правда это? – спросил Абздыхин, беря за воротник Кукиша и поднимая на уровень глаз.

– Брешит старая! – выдохнул перегаром в лицо купцу хомяк.

– Так, всё понятно. Мне эта маргышка ипонская тож в своё время нервы попортила. Посему я ентого феномена, с первой же оказией в столицу отправлю – пушай его там в «Кукст-камере» выставляют, либо в цирке показывают!

– Уж избавь, батюшка, сделай милость! – взмолилась из сугроба попадьё.

– Смотри-ка, а я думал, привиделось, – подал голос изумлённый Акимка.

– Я бы на вашем месте, гражданин Абздыхин, не был так категоричен, – скорчил умняк Кукиш, – руки у вас супротив настоящего ипонского самурая коротки! – С этими словами Кукиш распахнул свою шубейку, вытащил из-за пояса свежевывоканный самурайский меч и с проворством, присущим только ипонским хомякам, воспитанными самураями, начертил матерное русское слово из трёх букв на лбу купца.

Купец Абздыхин, не ожидавший такого подлого вероломства, возопил подобно раненному слону, выпустил Кукиша из рук и схватился за лоб. Попадья и Акимка Кривой, охотник, хлопая глазами, проводили Кукиша взглядом до дыры в заборе и потеряли из виду.

История 11. О дружбе, гигиене и предательстве

Шел уже второй месяц, как Кукиш скрывался в подполье. За это время хомяк ни разу не высовывал нос из избы, но по рассказам Калиныча и остервенелому ржанию Пустобздя знал, что в село Средневерхнее Заанусье потихоньку прокрадывается весна. Да ещё фельдшер Кудыпаев, заглядывая на огонёк, сообщил, будто все избы в селе оклеены самописными листовками с портретом Кукиша. Посреди каждого листа красовалась огромная надпись «WANTED!!!», а ниже обещали награду: добротные кедровые лапти сорок девятого размера, пресс-папье из козких окатышей и бутылку хранцузского виноградного самогону. За время «заточения» Кукиш разжирел, оборзел и полинял так, что шерсть на боках просвечивала розовой шкурой. А поскольку заняться было нечем, Пустобздяй, измотавшись бегать к Анисье по пять раз на дню, начал так чётко посылать Кукиша на фаллический (или схожий по смыслу) символ на трёх языках, что даже Калиныч зауважал. Сам же золотник, вечно пребывая в перманентном опохмеле, выжрал годовые запасы рассола во всём Заанусье, а фельдшер Кудыпаев выписал из столицы бронированный сейф, для хранения спирта, парафина и прочих «медикаментов».

Кукиш проснулся от адского грохота. Калиныч, словно слепой крот, ползал по избе на четвереньках, тычась лбом в острые углы. Каждый удар сопровождался гулками перезвонами (видимо, в голове) и таким матом, что даже Пустобздяй нервно ржал в стойле.

– Ты чего в такую рань шурудишь, Калиныч? – высунул из настенных часов заспанную морду хомяк, поправляя на брюхе смятую шубу.

– Слышь, хома... – золотник закашлялся, сухо сглотнув, отчего остро торчащий кадык стал еще более выпуклым – нычку вчерашнюю не видел?

– Сушит? – хитро прищурился Кукиш, поглаживая пузо.

– Да как в Сахаре с Кыракумом! – просипел Калиныч, пытаясь еще раз сглотнуть пустоту в горле.

– Так мы ж её с тобой вчера оприходовали, склероза-сан!

– Как оприходовали?! – взвыл золотник, ударив кулаком по табуретке. – Не могли мы на утро не оставить! Мы ж не нелюди!

– Могли-немогли, а опохмелиться тебе сегодня нечем! – философски изрёк хомяк, вылезая из часов и потягиваясь так, что суставы захрустели, как сухари из порченой репы.

– Так может, Пустобздя к Анисье послать?

– Не даст!

– Это почему? Всегда давала, а нынче вдруг не даст?

– У неё аппарат сломался от перегрузок. Тебе ж вчера Пустобздяй докладывал.

– А не брешет? Может, бегать просто ленится?

– Не, не брешет он. Когда не хочет, просто на хрен шлёт, да и Кудыпаев вчера говорил, что Анисья к Запарычу на кузнецу собиралась за какой то важной деталью.

– Значит, и правда без опохмела останусь? – круги под глазами Калиныча, похожие на синяки после драки с медведем, сменили цвет с тёмно-синего на чёрно-антрацитовый. Амплитуда колебания пальцев увеличилась до критических размеров и грозила привести к членовредительству. По небритой скатилась слеза и застыла на подбородке. Золотник замер, словно глиняный идол.

Кукиш бодро запрыгнул на стол, понюхал остатки вчерашней трапезы, сморщился, потом махнул рукой, собрал в ладошку хлебные крошки со стола. Достал из-за пазухи небольшую фляжку ипонского производства, сделал большой глоток, крикнул, закусил крошками и заметно повеселел. Калиныч следя за действиями Кукиша потихоньку возвращался к жизни,

меж тем не забывая увеличивать амплитуду колебания теперь уже всего тела. Собрав в себе остатки последних сил, он сорвавшимся голосом проскрипел:

- Дай!
- Чего дать? – Кукиш сделал глаза «аки невинное дитяtko», прижав флягу к груди.
- Этого... из фляги... дай!
- Это, Калиныч не фляга! – заявил хомяк, пряча сосуд обратно. – Это, Калиныч -ОБИ!
- Чё-ё?
- ОБИ – Опохмелятор Бытовой Индивидуальный!
- Ну и? Дай опохмелиться!
- Слушай, Калиныч, ты что – глухой? Я же говорю ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ! Не дам!

– А хобот у тебя в «индивидуальном порядке» не треснет?

– Ну что ты так разоряешься, – бурчал Кукиш протискиваясь обратно в часы, – я бы и рад, но в целях гигиены никак не могу! Ты вон, хоть у дохтура спроси! Гигиена – залог здоровья и устойчивого психического равновесия!

– Ну ты и... Нет, ну ты и... Уууу, пригрел гадюку на груди, – чуть не рыдая возопил Калиныч и шибанув ногой по двери выскочил на улицу.

Причитая и страшно матерясь, так что воробьи, срываясь с крыш падали в сугробы, Калиныч шёл по селу не разбирая дороги, пока не наткнулся на фельдшера Кудыпаева, находившегося в таком же состоянии.

Тот сидел на заборе, тупо уставившись в пустую бутылку.

Посмотрев друг на друга и оценив душевное состояние, оба вздохнули, достали по самокрутке и глубоко затянулись.

– Ты-то чего, дохтур, в меланхолию впал? – хрипло спросил Калиныч, выпуская дым ноздрями. – У тебя то вон, цельный сейф, опохмеляйся- не хочю.

– Ыыыы! – возопил Кудыпаев, – Я ключи, от него потерял!!!

– Ух, ёптыть! И сколько у тебя там чистого?

– Полторы банки!

– А у тебя что, кончилось всё?

– Кончилось, а вот у гниды этой иноземной осталось! Так ведь не делиться падла! На какую-то гиену ссылается, дышло самурайское! – голос Калиныча опять дрогнул, на глаза навернулись слёзы.

– На вот, утрись, – фельдшер сорвал листовку с избы и протянул золотнику. Тот смачно высморкался в бумагу хорошего качества и с интересом стал разглядывать получившуюся зелёную кляксу на изображении Кукиша.

– Натурально нарисован, подлюка, – сплюнул в снег Калиныч.

– Да уж. Крепко видать он Абздыхина обидел, что аж ханцузского самогону за него даёт!

– И не говори, креп...

Калиныч осёкся на полуслове, внимательно посмотрев в глаза Кудыпаеву. И найдя в них отзыв и понимание тут же повеселел взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.